

63.3(5)

Ц-38

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

ИСТОЧНИКИ
ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРА

Б792311

63.3(5)

14-38

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

ИСТОЧНИКИ, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА

Материалы Международной научной конференции,
посвященной 80-летию
доктора исторических наук
Е.А. ДАВИДОВИЧ
и действительного члена Академии наук Таджикистана,
академика РАЕН,
доктора исторических наук
Б.А. ЛИТВИНСКОГО

Москва, 1-5 апреля 2003 г.

библиотека
им. Н.Г. Доможакова
Республики Хакасия

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА «ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН
2005

И.Л. Кызласов

ОСОБЕННОСТИ ТЮРКСКОЙ РУНОЛОГИИ

В августе 1721 г. европейская наука, впервые ступив на земли хакасов, лишь за три года до этого присоединенные к России, сделала удивительное открытие. Она встретила в глубинах Сибири то, что менее всего готова была там встретить. В долине хакасской речки Уйбат она получила возможность увидеть и понять, что пришла не на дикие и неосвоенные, как думалось, земли, а в страну древней культуры. И, поскольку ею были открыты памятники монументальной письменности, — в страну высокой цивилизации. Сегодня установлено, что цивилизация эта непрерывно существовала на Саяно-Алтайском нагорье многие столетия: известные памятники енисейского письма создавались по крайней мере в течение 6–7 веков — с VIII и по конец XIII — начало XV в. [Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. 1994].

Целое столетие после исторического открытия Д.Г. Мессершмидта ученый мир знал и пытался постичь загадочные древние письмена только на землях Хакасии. Лишь в 1818 г., благодаря Г.И. Спасскому, стало известно о существовании таких же надписей на скалах по р. Чарышу на Алтае. Через 158 лет, в 1879 г., Г.Н. Потанин обнаружил первый памятник руноподобного письма в Туве. И лишь еще 10 лет спустя, в 1889 г., в результате сделанных Н.М. Ядринцевым в Монголии находок, научный поиск вышел за пределы Саяно-Алтайского нагорья.

Поскольку на протяжении XVIII и XIX вв. исследования древних сибирских письмен проходили в долинах Енисея, эта письменность и получила название *енисейского* рунического письма.

Нет необходимости излагать здесь историю открытия и изучения памятников этой письменности, поскольку основные вехи этих процессов неоднократно изложены в специальных статьях и разделах нескольких книг [Кызласов Л.Р. 1962; 1969, с. 7–14; 1983; Щербак 1970; 2001, с. 15–18; Кызласов И.Л. 1994б, с. 7–22]. Следует сказать, что *рунической* письменность была названа поначалу за казавшееся сходство с европейскими германскими рунами. Сходство не подтвердилось, название же прижилось в науке, хотя условность его ясна для ученых. Утверждению наименования *енисейское* во многом способствовала сводная публикация надписей, изученных в Хакасии и Туве экспедицией И.Р. Аспелина, изданная в 1889 г. под названием «Inscriptions de l'Iénissée...», т.е. «Енисейские надписи»

[Inscriptions 1889]. После издания в 1892 г. второго альбома «Inscriptions de l'Orkhon...» [Inscriptions 1892], посвященного надписям Монголии, распространилось название «орхонские надписи»¹. Вслед за этим азиатские рунические письмена нередко стали обобщенно именовать *орхоно-енисейской письменностью*. Географические определения были введены в названия потому, что наука в течение долгих 172 лет (на протяжении шести поколений) не в силах была узнать, какие народы и на каких языках оставили нам эти камнеписные тексты.

Счастливая находка Н.М. Ядринцевым двух крупных письменных памятников, высеченных одновременно и руническими письменами, и китайскими иероглифами, дала науке возможность определить тюркоязычность загадочных письмен. В 1890-м, а затем и в 1891 г. эти стелы были изучены и скопированы финской и русской экспедициями [Inscriptions 1892; Сборник 1892–1897], а изданные в 1892 г. их точные воспроизведения позволили датскому профессору В. Томсену уже к концу 1893 г. раскрыть тайну долго молчавших написаний. Узнав значения букв, много сделавший для их дешифровки В.В. Радлов сумел в течение двух месяцев прочесть один из этих огромных текстов, насчитывавший более четырех тысяч знаков и посвященный тюркскому витязю Кюль-тегину. Через два года, в 1895 г., российский академик предоставил науке прочтения и переводы всех древнетюркских рунических надписей, известных к тому времени [Radloff 1894–1895]. Так победоносно закончился для сибирско-азиатской отрасли нашей науки XIX век.

История открытия руноподобных письмен в самой Европе к этому времени не была богата событиями. Начинать ее также следует с XVIII в., который завершился открытием в 1799 г. у деревни Святого Николая (Надь-Сент-Миклош) клада, на сосудах которого оказались резные знаки неведомого письма. Лишь через сто лет, в 1899 г., Д.М. Струковым были найдены надписи на камнях Маяцкого городища на Дону. Незадолго до этого (1896 г.) были открыты рунические надписи на р. Талас в Средней Азии. В течение целого последующего столетия степные руны Восточной Европы и Средней Азии изучались как вариант уже расшифрованного орхонского письма Центральной Азии и енисейского письма Южной Сибири. По ассоциации с ними название *рунических* было распространено и на написания Европы и Средней Азии. В этом, без сомнения, отразилась уверенность исследователей в тюркоязычности резных надписей, обнаруженных к западу от Саяно-Алтайских гор. На протяжении всего XX века рунические надписи Венгрии и Болгарии, Румынии и Европейской России, Северного Кавказа и Средней Азии ученые пытались прочесть по-тюркски, основываясь на звуковом

¹ Утверждение, что «из русских любознательных людей первые сведения о памятниках рунической письменности сообщил служивый человек Ремезов» [Малов 1951, с. 11], стало общим местом историографических разделов едва ли не с легкой руки А.Н. Бернштама [Бернштам 1946, с. 11–12]. На деле это пример неосознанного переноса современной специальной терминологии на не знавшую ее минувшую эпоху. Такой перенос допускается даже исследователями, отрицающими подобное толкование записи на карте, «так как оно предполагает, что Ремезову уже были известны рунические памятники на р. Орхон» [Кононов 1972, с. 33, примеч. 124]. Отметка «Камень Орхон, летом снег», указующая на горы в верховьях р. Таласа на карте С.У. Ремезова (1697 г.), давно и точно расценена М.Е. Массоном как «совпадение созвучных (с названием р. Орхона. — И.К.) географических терминов» [Массон 1936, с. 7, примеч. 2].

значении орхонского и енисейского алфавитов или на вариантах понимания знаков надъсентмиклошского клада. Неудачи следовали за неудачами.

Причина этого крылась в совершенно различном происхождении тех письменных систем, которые воспринимались как родственные. Подробный палеографический разбор, произведенный в конце минувшего века, показал, что ныне на землях степной Евразии известны три самостоятельные группы алфавитов, традиционно и условно называемых руническими: I. Тисский (надъсентмиклошский) алфавит, стоящий обособленно; II. Евразийская группа письмен (донской, кубанский, ачикташский, исфаринский и южноенисейский алфавиты); III. Азиатская группа азбук (енисейский, орхонский и таласский алфавиты) [Кызласов И.Л. 1994а, гл. I, II, V, разд. 3]. У каждой из этих групп свои, а не общие корни, поэтому нет оснований привлекать знаки одной из них для прочтения надписей другой или третьей. Тисское письмо (I) и надписи евроазиатской группы алфавитов (II) следует признать недешифрованными. Осознание этой ситуации порождает новые подходы к изучению надписей и алфавитов. Развитие таких подходов следует считать главным направлением европейского ответвления рунологии в XXI в.

Поскольку тюркоязычность всех непрочитанных надписей не доказана, рассмотрение их в рамках тюркской рунологии условно. Однако, если исходить из данных иных дисциплин, связь ныне известных надписей с тюркскими народами кажется вполне вероятной. Опорами здесь служат разработки в области археологического датирования и культурного размежевания древностей, соотнесенные со свидетельствами политической истории раннего средневековья. Сегодня можно уверенно говорить о тюркоязычности лишь двух новоявленных рунических алфавитов: южноенисейского и кубанского. Первый был распространен на Саяно-Алтайском нагорье одновременно с енисейским, в VIII–X вв., и представлен находками в погребениях тюрок-тугю (*türk*) и среди их наскальных рисунков [Кызласов И.Л. 1994б, с. 217–221, 289–318]. Второй известен в памятниках Северного Кавказа и Поволжья начиная от рубежа VIII–IX вв. и кончая границей XI–XII вв. На позднем этапе кубанские надписи, без сомнения, присущи культуре Волжской Болгарии [Кызласов И.Л. 2000].

В XX в., подобно XIX в., основное развитие нашей науки по-прежнему шло в области изучения енисейской и орхонской письменностей.

Подлинники азиатских рунических надписей находятся в основном в четырех странах мира: в России (Саяно-Алтай), Монголии, Кыргызстане и Китае (провинция Синьцзян). Вклад в их исследование, основанный на изучении оригиналов, более всего вносит российское востоковедение. Воздавая дань уважения первооткрывателям, можно сказать, что Д.Г. Мессершмидт открыл миру енисейские надписи, Н.М. Ядринцев создал условия для дешифровки азиатских рун, В. Томсен определил буквы и язык письма, В.В. Радлов постиг содержание текстов, С.Е. Малов создал школу советских руноведов-филологов, а Л.Р. Кызласов установил время создания енисейских надписей в целом и каждой из них в отдельности, создал учение о связанных с текстами тамгах [Кызласов Л.Р. 1960; 1965] и тем заложил верное историческое понимание древних текстов и основы рунической палеографии.

XX век начался для рунологии с новых крупных открытий в Азии. Однако они относятся не к величественным каменным стелам и потому долго не привлекали должного внимания исследователей. Речь идет об обнаружении в 1905 и 1908 гг. экспедициями А. фон Лекока и Отани Сесин в руинах долины р. Тойок (Турфанский оазис) двух малых обрывков бумаги. Чудом сохранившиеся в веках, они содержали записи рунической азбуки, оставленные тысячелетие назад обучающимися ей людьми. О подлинном значении этих рукописей следует сказать далее — здесь важно назвать главные особенности в исследовании рунических памятников, отличающие только что завершившееся XX столетие.

Благодаря превращению археологии из элитарной науки изучения античных древностей в массовую, реализующую право всех народов на познание своей истории, трудами археологов и краеведов в Сибири и Монголии были обнаружены и изучены многие новые рунические надписи. Если Д.Г. Мессершмидту были известны три енисейские надписи, В.В. Радлову — 45, то к началу 1980-х годов в бассейне Енисея было учтено 135 письменных памятников [Васильев 1983]². Ныне в Южной Сибири надписей, выполненных енисейским руническим письмом, известно уже около 300. В Монголии открыты новые стелы с орхонскими письменами, прежде всего относящиеся к Уйгурскому каганату, от середины VIII до середины IX в. [Кляшторный 1980; 1987], и многие наскальные надписи того же енисейского письма. Установлено бывшее распространение енисейской письменности от Или и Иртыша в Казахстане до Лены в Восточной Сибири.

Была продолжена заложенная В.В. Радловым отечественная традиция изучения филологами подлинников рунических надписей на месте их обнаружения или в музейных коллекциях (С.Е. Малов, А.М. Щербак, Д.М. Насилов, И.А. Батманов, А.С. Аманжолов, И.В. Кормушин, К. Сейдакматов, В.М. Наделяев). Задача специального собирания памятников рунического письма и их сохранения, в XIX в. разрешаемая более всего усилиями Минусинского музея, ныне достойно продолжена иными сибирскими музеями (прежде всего — Кызыльским).

Специальные издания, представляющие все типы известных письменных памятников или сборники надписей, выполненных одной системой рунического письма [Малов 1951; 1952; 1959], сменились сначала попыткой создать своды надписей, построенные по географическому принципу [Васильев 1983], а затем работами, группирующими надписи по жанрам в пределах определенной рунической письменности [Кормушин 1997]. Автором этих строк собран материал для сводов надписей на предметах и на скалах всех территорий Саяно-Алтайского нагорья.

Однако вся эта многотрудная и весьма успешная современная работа лишь в размерах отличается от прошлых усилий, а по своей сути и подходам вполне сравнима с собирательской рунологической деятельностью XIX в. Главные достижения, которые способны обеспечить очередной прорыв к новому знанию, приходится, на мой взгляд, как и в прошлом, на последнее десятилетие минувшего века.

² Часть материалов, опубликованных в этой книге, не являются надписями, а представляют резы, части изображений и знаки, не имеющие отношения к письменности: Е 74, Е 86, Е 88, Е 90, Е 99, Е 103, Е 105, Е 107, Е 119, возможно также — Е 91, Е 95. Надписи, включенные в атлас под индексами Е 83, Е 87, Е 133, Е 141 и Е 142, выполнены не енисейским, а южноенисейским письмом [Кызласов И.Л. 1994б, с. 10, 299–306; Ю 5, Ю 6, Ю 8, Ю 9].

Тюркская рунология как самостоятельная дисциплина

Лишь в последние десять лет было до конца осознано, что *тюркская рунология* — это не *филология*. Это особая отрасль науки, более всего принадлежащая эпиграфике, в меньшей степени — к археографии. У этой науки, которую точно следовало бы именовать *рунической эпиграфикой*, свой предмет изучения. И это не письменный язык, не словесный текст, а сама надпись, ее облик: от места и особенностей размещения до техники нанесения и формы знаков.

У этой науки есть и свои методы исследования. Они, прежде всего, направлены на достоверное, точное восприятие и воспроизведение старинных текстов, измененных воздействием времени и людей. Эти методы совершенно незнакомы языковедам, а более всего присущи археологам, в особенности тем, кто изучает древние изображения. Такая работа требует умения на камне или металле, терракоте или штукатурке, кости или дереве отличать намеренные рукотворные борозды и углубления от естественных и случайных повреждений, равно как и не смешивать первоначальныерезы или выбоины с более поздними, не относящимися к самой надписи. Необходимо также проследить форму применявшегося при письме инструмента и последовательность вычерчивания каждого знака: начало и направление образующих его борозд, их очередность.

Филологи получают для исследования лишь результат работы эпиграфиста. И поэтому руническая эпиграфика — это вспомогательная дисциплина. Но только она одна в состоянии предоставить языковедам твердую почву для исследований. Чтобы ясно показать расхождения тюркской рунологии и тюркского языкознания, перечислю основные этапы исследования древнего письменного памятника [Кызласов И.Л. 1994а, с. 168–180].

Начну с того, что филологи сами не добывают рунические источники, надписи отыскивает археолог или краевед. Минуя этот этап (также требующий специальных знаний и навыков), тюркологи-филологи не только оставляют вне внимания, а значит, и вне науки, надписи, сохранившиеся на месте создания (на скалах, курганах и стелах, а число этих надписей огромно, их большинство), но и, приходя в музеи или пользуясь готовыми копиями, при чтении текста сплошь и рядом вообще не учитывают условий его первоначального расположения. Не подозревая даже, что это закономерно влечет за собой неверное прочтение или толкование. Поэтому история изучения рунических памятников знает курьезные примеры прочтения крупными учеными, такими, как С.Е. Малов, вырезанных на скале строк, например, в качестве надмогильной надписи («Эпитафия на скале, около д. Сулек», Е 39) [Малов 1952, с. 68, 69]. Или, уже в наши дни, — средневековой надписи на камне кургана раннего железного века как надгробного текста (Усть-Сос, Е 134) [Кормушин 1997]. Подобные ошибки присущи и историкам, нередко вслед за филологами считающим любые енисейские надписи по преимуществу эпитафийными (Беле) [Кляшторный 2000]³.

³ Эта методическая ошибка была преодолена сибирской археологией в пору своего становления, когда в 1895 г. А.В. Адрианов провел в Хакасии раскопки курганов Кара курган и Узун оба (IV–III вв. до н.э.), имевших на камнях средневековые рунические надписи [Адрианов 1902–1924, с. 55, 56].

Рунические надписи составляют собственный и очень разноликий мир. Читать любую из них обособленно, саму по себе, без учета той части этого мира, куда она входит, — серьезная методическая ошибка.

Специальные поисковые работы, проведенные мною в 1994–2001 гг. в Хакасии, на Алтае и в Туве, позволили впервые отметить весьма важное обстоятельство — различие условий, в которых наносились на скалы енисейские рунические надписи Южной Сибири. В этом отношении Тува оказалась подобна Хакасии (обычно тексты размещены на выходах камня, возвышающихся над подошвой горы), а Алтай — отличен от них (надписи наиболее часто вырезались у основания скал, у самой травы). Монголия же знает три типа размещения надписей: один из них аналогичен Алтаю, другой — Хакасии, третий самобытный (граффити нанесены на горизонтальную поверхность камней, едва выступающих из земли). За всем этим стоят как различия, так и сходства в мировоззрении и обрядах средневекового населения, чего нельзя не учитывать, занимаясь прочтением камнеписных текстов.

Продолжая тему, следует сказать, что для археолога и эпиграфиста немислимо отторжение текста от назначения изделия, наделенного надписью, что нередко происходит у филолога: возьмем, к примеру, предлагавшиеся прочтения надписей на монетах [Аманжолов 1974] и сосудах [Боровков 1963, с. 194–196]. Недопустимо также игнорирование нетекстовых компонентов письменных памятников, прежде всего фамильно-личных гербовых знаков-тамг, отличавших аристократов-мужчин [Кызласов Л.Р. 1960; 1965]. Совершенно невероятно поэтому прочтение тюркологом И.В. Кормушиным двух наделенных тамгами енисейских эпитафий как женских: Барык II (Е 6) и Чаа-Холь VIII (Е 20) [Кормушин 1986; 1997, с. 187–189, 205–207].

Весьма показателен и другой пример недопонимания филологом назначения вырезанных на эпитафиях личных тамг. Указывая на определенного умершего (и, в силу геральдической традиции, на семейную мужскую линию, к которой он принадлежал), тамга не обязательно связана с языковыми особенностями текста, характеризующего резчика, который создал саму эпитафию. Анализ палеографии таких надписей показывает, что автор поминального текста и умерший иногда принадлежали даже к разным народам [Кызласов И.Л. 1994а, с. 96, 97]. Столь привлекательный на первый взгляд путь поиска «общих языковых признаков, которые могут быть выявлены в группах надписей с одинаковой тамгой» [Кормушин 1997, с. 7], на деле оказывается совершенно неоправданным до выполнения предварительного исследования особого рода. Необходимо произвести тщательное разделение эпитафий енисейского письма по обрядовым, композиционным, палеографическим, орфографическим и прочим разновидностям, весьма точно отражавшим былое культурное, а через него и этническое и, уже в связи с ним, наконец, языковое различие раннесредневекового населения Южной Сибири. Такую работу ныне возможно и необходимо выполнить, однако она не принадлежит к области языкознания и недоступна специалистам-филологам.

Существование уже на первом исследовательском этапе таких серьезных расхождений — самой ситуации, когда филолог может даже не обратить внимания на то, что никак не может обойти в работе археолог и эпиграфист, — указывает

на объективно присущие этим специалистам различные сферы научной деятельности.

Второй этап в исследовании письменного памятника полностью принадлежит к области эпиграфики. Это то самое установление первоначального, достоверного облика надписи, ее буквенного состава, о котором уже шла речь. Огрехи на этой стадии изучения и копирования текста, нередко допускаемые людьми, не знакомыми с названными выше процедурами, — наиболее частая причина неверного прочтения древних надписей. Повторюсь: филология не готовит исследователей к этой важнейшей процедуре в постижении письменного памятника. Не раз приходилось наблюдать искреннее удивление, даже растерянность тюркологов, впервые увидавших подлинные камнеписные енисейские тексты, до того знакомые им лишь по рисункам и публикациям: «Как же можно здесь что-нибудь разглядеть?» Для этого недостаточно только стремления к точности и одного трудолюбия. Опыт показывает, что человек начинает вполне квалифицированно копировать наскальные рисунки и древние надписи примерно через три года целенаправленной работы с ними.

Вот почему даже маститые тюркологи, заслуги которых перед наукой неоспоримы и почитаемы, поставив перед собой задачу ознакомления с подлинниками и с полной ответственностью изучавшие их в музейных собраниях или на природе, сплошь и рядом не в состоянии предложить точного воспроизведения камнеписного текста. Поскольку слишком много известных имен пришлось бы здесь назвать, ограничусь вполне показательным примером: прорисовки многих рунических памятников, выполненные финскими археологами в эпоху, когда прочтение рунического письма было еще незнакомо [Inscriptions 1889], и сегодня остаются непревзойденными нашими современниками, искушенными знаниями языков, литературы вопроса и новых методов копирования, но не обладающими необходимыми специальными знаниями и навыками эпиграфиста.

Можно даже сказать, что у тюркской филологии, занимающейся руническими надписями, и у собственно рунологии разные источники исследования. Вопреки внимательному XIX в., когда до дешифровки и сразу после нее тщательно собирались все встречаемые учеными рунические надписи, языковеды XX в. отошли от традиции В.В. Радлова и сосредоточили свое внимание прежде всего на текстах орхонских эпитафий. Даже надгробные енисейские стелы привлекали значительно меньше внимания. И уж совершенно в тени «царских» стел Монголии остались краткие начертания, некогда нанесенные на скалы, отдельные камни и предметы. Такую ситуацию легко понять: разбирать малые тексты особенно трудно, языковой материал в них совсем невелик, и, с точки зрения филолога, этот труд не оправдан. Зато археолог и эпиграфист никак не могут оставить без внимания даже отдельно начертанный письменный знак — сфера их исследований покрывает все области бытования письменности в древних обществах.

Признавая вместе со всеми правоту слов С.Е. Малова: «Самые трудные надписи для истолкования — это краткие надписи» [Малов 1952, с. 15], — нельзя, однако, не задуматься о причинах этого положения. С одной стороны, сложности здесь вполне объективны и вызваны особенностями рунической орфографии: не так-то легко фактически вне контекста определить пропускаящуюся на руниче-

ском письме огласовку слов. Однако в еще большей мере эти сложности порождены непониманием филологами причин, заставлявших людей средневековья братья за резец или зубило для нанесения лаконичных надписей на скалы, предметы или камни. Отсюда почти полное неведение, хотя бы теоретически возможных, пределов содержания кратких надписей. В этом, думается, заключена главная причина систематических неудач: можно назвать имена многих крупных тюркологов, неоднократно обращавшихся к разбору кратких надписей и ни разу не достигших правильного прочтения.

Исследователи, подчас неосознанно, руководствовались современными быденными представлениями о том, что древний текст мог появиться на скале или камне от праздности, затянувшегося досуга или минутного побуждения его автора. Нет ничего более ошибочного. Создание любой надписи на вечном природном объекте всегда было осознанным ритуальным действием. Еще более ограничена тематика надписей, наносимых на предметы. Следует вновь повторить: методически неверно читать любую краткую надпись обособленно, саму по себе, не опираясь на смысл иных подобных рунических начертаний.

Следует понимать, что знаменитый критерий истины, заключенный в проверке наблюдений практикой, по вполне объективным причинам таит в рунологии совершенно реальную, но по большей части не осознаваемую филологами опасность. Она рождается из соединения двух присущих объекту исследования начал: пропуска на руническом письме большинства гласных и односложности большого числа слов в тюркских языках. В силу этих объективных особенностей практически любой набор резов может быть при желании так или иначе «прочитан» по-тюркски. В этих условиях оценки достоверности прочтений возникают только при учете контекста надписи, которым, говоря в широком, но строгом смысле, служат и материалы, на которых они нанесены (скалы, стелы, предметы и т.п.), и причины создания, определяющие возможный смысл. Особенно значимо здесь отыскать смысловые аналогии в несомненных по прочтению рунических надписях той же категории.

Тот факт, что многие прославленные в тюркологии имена ни разу не удается связать с точно прочитанными руническими надписями — яркий и вполне объективный показатель различия двух наук: тюркской филологии и тюркской рунологии.

Говоря о невнимании филологов к кратким текстам, следует назвать и иную его причину, опровергаемую ныне рунической эпиграфикой. Это убежденность языковедов в культурной неразвитости стран и людей, оставивших енисейские рунические надписи. Уверенность эта стала уже аксиомой, якобы не требующей доказательств: «Центром и исходным пунктом древнетюркской руники, как известно, является территория современной Монголии» [Кормушин 1997, с. 4]. Наиболее ясно, со свойственной для высоких ученых аналитической откровенностью эта убежденность выражена, пожалуй, двумя крупнейшими тюркологами современности — в Великобритании сэром Дж. Клосоном, а в Отечестве А.М. Щербакон. У первого автора речь идет о енисейских эпитафиях («исключая несколько коротких надписей на кувшинах, пряслицах и т.п., которые филологически неважны...»): «Эти тексты были составлены менее образованными авторами,

чем орхонские надписи, и некоторые из них выглядят достаточно неграмотными или откровенно невразумительными. Каменотесы, которые их вырезали, были менее умелыми, и буквы имеют неловкую форму и уродливы» [Clauson 1962, с. 68, 69]. Профессор А.М. Щербак пишет о надписях Алтая: «Здесь мы имеем дело с руническим письмом Южной Сибири на „затухающей“ стадии его существования. Находки надписей с рунами или рунообразными знаками на Алтае многочисленны, количество их достигло шестидесяти, и все же говорить о практическом использовании руники в этом регионе было бы излишней смелостью. Абсолютное большинство надписей — ограниченных размеров с произвольным расположением и небрежно вырезанными знаками, что иногда затрудняет их идентификацию. Нет ни одной надписи, которая заключала бы в себе связный и более или менее законченный по содержанию текст» [Щербак 2001, с. 21, 22].

Такое мнение формируется по двум причинам, в равной мере порожденным отстраненностью филологического анализа от подлинников каменписных текстов. Во-первых, в результате незнания филологами обрядовых особенностей населения раннесредневековой Сибири, в отличие от тюрков и уйгуров Монголии, считавшего вечными (*beŋgü taš*) только древние камни и оттого использовавшего для своих надгробных надписей иссеченные ветрами веков менгиры или скульптуры энеолита и раннего железного века. Ни один камень для енисейской эпитафии не был добыт в средневековых каменоломнях, и его поверхности не были специально обработаны для письма. Другой древний обычай требовал от саяно-алтайцев нанесения кратких письменных отметок в местах производившихся у открытых скал молений бывшим «языческим», вошедшим в манихейский культ божествам. Эти моления, сколь можно судить, не были коллективными, носили интимный характер, надписи не предназначались для чужих глаз. Во-вторых, указанная убежденность языковедов есть следствие кабинетной работы с недоброкачественными копиями и публикациями текстов, выполненными людьми без должной эпиграфической подготовки, и может быть развеяна только необходимым добротным изданием комментированного свода енисейских рунических надписей.

При учете сказанного закономерно, что именно в эпиграфике была впервые произведена начальная систематизация рунических надписей по содержанию. Этим были очерчены допустимые пределы смысла тех или иных групп письменных памятников, что, в свою очередь, заметно облегчило понимание и прочтение кратких текстов, оставленных на стелах, предметах и скалах [Кызласов И.Л. 1994а, с. 180–203].

Эпиграфика — наука историко-филологическая. В ней, как мы видели, совершенно необходимо сочетать навыки археолога (и, шире говоря, историка культуры), основы филологических знаний, без которых немисливо прочтение текста, а также ясные и детальные представления о ходе местной истории. В последнее десятилетие стало особенно очевидно: без знания истории общества и без умения определить этнокультурную и государственную принадлежность древнего памятника не достичь успеха в его прочтении и в филологическом анализе.

Палеографические основы рунологии

К концу XX в. стало совершенно ясно и то, что *палеография* рунических памятников — область занятий не филологов, а все тех же эпитафистов.

Справедливость этих слов доказывается результатами эпитафической проверки давнего и основополагающего утверждения филологической литературы в отношении палеографии рунических надписей и знаков. Из работы в работу переходила мысль о том, что они были некогда изобретены специально для резьбы и высекания. Казалось бы, здесь все верно: подавляющее большинство известных рунических надписей, действительно, нанесено на камни, скалы и металлические изделия. Однако этот миф науки был развенчан эпитафическим анализом [Кызласов И.Л. 1994а, с. 143–158].

Выяснилось, что и выбитые, и резные надписи — как орхонские, так и енисейские — часто содержат элементы скорописных написаний, т.е. их создатели в быту привыкли пользоваться обычными писчими красителями (чернилами или тушью), мягкими и гладкими писчими материалами (пергаменом, бумагой или деревянной табличкой), по которым свободно скользило тростниковое перо или кисточка. Эти их писания не уцелели, а камнеписные строки, которые они создавали по требованию местных обрядов, сохранились до наших дней. Впрочем, в Хакасии и Монголии кое-где на скалах отыскивались и рунические надписи, нанесенные черной и красной тушью, а в древнехакасских курганах IX–XII вв. (тюхтятской и аскизской культур) встречены маленькие перочинные ножички и чернильница — обыденные принадлежности писарей [Кызласов И.Л. 1998б; 1999а, с. 107, рис. 1, 3, 4].

Непредвзятый разбор эпитафиста показал, что среди рунических знаков, составлявших как енисейский, так и орхонский алфавиты, много таких, чей облик никак не подходит к технике резьбы и мог сложиться только в условиях обычного скользящего написания. Руническая азбука изначально не предназначалась для начертания и вырезания.

Другое существеннейшее обстоятельство, вводимое в рунологию палеографией конца XX в., касается самих рунических алфавитов. Языковеды-тюркологи по традиции излишне обобщенно воспринимают весь, теперь уже крупный, массив азиатских рунических надписей. Однако филологи не могли и не смогут получить ясной лингвистической картины прошлого без точного следования палеографическому членению этих письмен.

Без учета сего важнейшего обстоятельства невозможна разработка истории рунического письма, неразрешима и проблема его происхождения. Вышедшая в свет в 2001 г. книга крупнейшего тюрколога России А.М. Щербака, фактически подводящая итоги научным поискам, проводившимся в XIX и XX вв. при традиционном подходе к проблеме, одновременно с предельно возможной ясностью показала, какие узы накладывает этот метод даже на самые светлые и эрудированные умы. Признать руническую письменность тюркских народов тайнописью, лишь деградировавшей со временем, как это сделал поистине почтенный ученый, значит отказаться от постижения ее истинной первоначальной природы и уйти от объяснения непонятных ныне особенностей.

В свое время В. Томсен, закончив дешифровку орхонских рун, жалел о том, что он не В.В. Радлов, который был крупнейшим знатоком не только живых тюркских языков, но и всего многообразия енисейских рунических памятников. Ограничивать сегодня решение главных рунологических проблем анализом лишь орхонских «царских» надписей, оставляя в стороне целый мир енисейских текстов, можно, лишь не до конца ощутив всех тех источниковедческих ограничений, о которых печалился на заре нашей науки В. Томсен.

Палеография изучает не одно лишь видоизменение буквенных знаков со временем, как иногда полагают. Она занимается и происхождением письмен, и определением и изменением их состава, и распространением в пространстве и по эпохам, исследованием материалов и орудий письма, письменных школ, письменной культурой общества в целом. И во всех этих областях руническая палеография к концу XX в. достигла особенно серьезных результатов.

В конце XIX в., в 1895 г., в результате систематизации письменных знаков В.В. Радлов показал, что в раннем средневековье существовало два родственных, но самостоятельных рунических алфавита: енисейский и орхонский. В XX в. к ним сначала добавился третий (таласский — 1929 г., С.Е. Малов), а затем, в результате классификации написаний всей Евразии, было обосновано бытование 7–8 отдельных рунических азбук [Кызласов И.Л. 1987; 1990; 1994а, с. 8–104]. Три из них — енисейская, орхонская и таласская — происходят от одного корня, а 4–5 других (применявшиеся в Восточной Европе, Средней Азии и Сибири) имели совершенно другие истоки. Взгляд на европейские и среднеазиатские рунические алфавиты как на одну из ранних локальных стадий формирования орхоно-енисейского письма оказался лишен оснований. Отныне прошлому науки принадлежит и само утверждение о былом существовании единой орхоно-енисейской письменности.

Совершенно обособленно стоит алфавит тисской рунической письменности VIII–XI вв., известный по надписям сарвашского игольника и сосудам надъсентмиклошского клада.

Две обособленные области сложения и развития ранних рунических письменностей Евразии указывают на древнее разделение тюркских народов на *два культурно самостоятельных мира*. Их истоки и историю науке предстоит отыскать. За самобытными письменными традициями стоят как явные духовные отличия, так и своеобразие существовавших государств. Стойкие алфавитные различия указывают на древнее культурно-политическое самосознание отдельных тюркоязычных народов.

Строгое разграничение енисейского и орхонского алфавитов имеет значение не для одной рунической палеографии, оно позволяет востоковедам особенно ясно понять, что Южная Сибирь и Монголия были разделены на *два культурных мира* — так сказать, орхонский и енисейский. Составление академических сводов, группирующих надписи не по районам обнаружения, а по алфавитной принадлежности (и внутри каждого расчленяющих их по вариантам, изводам письма), создаст новые условия для филологического и исторического постижения раннесредневековых культурных реалий Южной Сибири и Монголии. В этом заключена одна из важных рунологических задач наступившего XXI века. Дело за

изложением основ двух родственных рунологических дисциплин: *енисейской палеографии* и *орхонской палеографии*, размещаемых соответственно в рамках енисейской и орхонской эпиграфики.

Пристальный палеографический взгляд на более всего интересующие нас енисейские надписи выявил три местные особенности письма: собственно енисейское и его тувинский и алтайский варианты [Кызласов И.Л. 1994а, с. 79–98]. Сегодня возможно даже без прочтения самого текста, по одному облику составляющих его букв, сразу определить, кто был автором надписи — средневековый, условно говоря, «алтаец», «тувинец» или «хакас».

Для филолога, объединившего тексты с такими особенностями, впервые создаются условия сквозь письмена отыскать особенности отдельных языков раннесредневековых народов — алтайских тюрков, тувинских чиков, древних хакасов — и тем самым прояснить историю современных национальных языков тюркской семьи Саяно-Алтая и других стран. Для историка такое определение проясняет живую картину движения образованных людей: начертания позволили, например, узнать о пребывании в IX–X вв. средневековых хакасов в Туве, в Монголии и Восточном Туркестане, о проживании в то же время алтайских тюрков не только на Горном Алтае, но и в Северо-Западной Монголии, и т.п. Благодаря постижению внешних особенностей другого, орхонского, алфавита, эпиграфические данные стали недавно доказательствами пребывания в 60-х годах VIII в. древних уйгуров в Хакасии и на Горном Алтае [Кызласов Л.Р. 1997]. Ни одной орхонской надписи, составленной собственно тюрками (создателями Второго Восточнотюркского каганата, существовавшего с конца VII до середины VIII в.), в пределах Южной Сибири сегодня неизвестно.

Внимание к палеографическим особенностям позволило установить не этническую, а государственную принадлежность как енисейского, так и орхонского письма. Первым официально пользовалось только Древнехакасское государство и зависимые от него земли, вторым — только Второй Восточнотюркский и Уйгурский каганаты и некоторые их потомки. Расширяя эти наблюдения, можно думать, что таласская письменность применялась в государстве карлуков, а четвертое руническое (верхнеенисейское) письмо, черты которого замечены наукой совсем недавно, сохранялось чиками и осталось в Тувинской котловине от какой-то более ранней державы [Кызласов И.Л. 1994а, с. 208–235].

Так или иначе, но достаточно хорошо разбираться в формах рунических знаков, чтобы при внимательном взгляде на любую надпись, даже не читая ее, установить, к какому раннесредневековому государству принадлежал оставивший ее грамотей.

Эти сформированные в енисейской и орхонской эпиграфике положения ныне могут быть распространены и на кубанскую руническую письменность тюркоязычных болгар. Надежными археологическими и нумизматическими материалами подтверждается официальный государственный статус этой письменности в Волжской Болгарии. Особенно показательно сохранение такого положения кубанского алфавита еще в XI–XII вв. (вероятно, вплоть до монголо-татарского нашествия), т.е. более чем столетие спустя после принятия этой европейской страной мусульманства и арабской письменности. Важнейшими аргументами в пользу сказанного служат факты использования кубанского письма в крупнейших

волжско-болгарских городах (таких, как Биляр) и на местных монетах той эпохи параллельно с арабской легендой [Кызласов И.Л. 2000, с. 5, 13; Френ 1832, с. 47, 55, 56; Göbl, Röna-Tas 1995, с. 48–49, табл. XIV–XVIII].

Другая возможность постижения письменных памятников, замеченная эпиграфистом в конце XX в., — это строгое соблюдение направления письма и размещения личных тамговых знаков на памятных надписях. Классические эпитафии, выполненные енисейскими руническими знаками, обязательно имеют тамгу внизу, у основания камня, а строки скорбного текста всегда направлены снизу вверх. Противоположно размещение тамг и строк на орхонских стелах: тамга изображена там у вершины камня, а ряды букв направлены сверху вниз. Вновь перед нами государственные правила оформления официальных надписей. Писанным камням внутри страны придавался тот или иной вид, *не взирая на национальность умершего*: первый канон применялся в Древнехакасском государстве, второй — во Втором Восточнотюркском и Уйгурском каганатах. Иные общества, не обозначавшие тамги на поминальных стелах, втягиваясь в зону распространения той или иной письменной культуры, воспринимали принятое в ней направление высекаемых на камнях строк. Так, на Алтае и в Туве известны эпитафии, созданные местным князьям и начертанные снизу вверх — по енисейскому канону, древнехакасскому в своей основе [Кызласов И.Л. 1994а, с. 182, 183, 230, 231].

Таким образом, исследователю достаточно уяснить размещение тамг и текстов, чтобы еще до прочтения самой надписи безошибочно определить, в канонах какой страны создан любой встреченный им письменный памятник.

И вновь чики Верхнего Енисея оказываются в этом отношении народом с особыми правилами. До подчинения кыргызам Древнехакасского государства на их надгробных стелах — Уюк-Аржан (Е 2) и Эль-Бажи (Е 68/1) — строки писались ни вверх, ни вниз, а поперек камня. И тамга ставилась ниже горизонтальных строк.

Внимание к этим эпиграфическим особенностям чикских эпитафий (впервые выделенным Л.Р. Кызласовым в 1960 г. по своеобразным чертам погребального обряда и формам тамговых знаков, а в 1994 г. увязанным мною с применением особых рунических букв) привело к одному из важнейших открытий в рунологии XX в. Оказалось, что горизонтально размещенные на камне строки писались не от верхней к нижней, как читалось всеми тюркологами в силу общей привычки, а от нижней к верхней [Кызласов И.Л. 1998а, III, с. 68–74]. Вслед за этим уже не сложно было заметить, что и половина классических енисейских надмогильных текстов (если расположить их строки горизонтально) читается тем же странным для нас образом. Строки всех орхонских памятных надписей, кроме одной стелы Тоньюкука, также оказались нанесены подобной восходящей лесенкой. В свое время, после дешифровки рун, у В.В. Радлова и В. Томсена при осмыслении надписи в честь Кюль-тегина вышел спор о таком порядке прочтения, но ему не придали указанного значения.

Как же объяснить это впервые замеченное необычное явление? По моему мнению, доступные ныне материалы содержат две подсказки для разгадки. Во-первых, написание текста от нижней строки к высшей свойственно только эпитафиям, такое расположение строк не встречается среди других видов памят-

ников енисейского или орхонского письма: многострочные наскальные надписи или рукописи на бумаге читаются вполне обычным образом. Историкам культуры хорошо известно, что погребальная и поминальная практика — наиболее сакрализованная и оттого самая устойчивая, консервативная область обрядовой жизни человечества. В ней всегда сохраняются древнейшие черты и действия, первоначальный смысл которых уже непонятен или иначе воспринимается людьми. Следовательно, письмо восходящей лесенкой — очень архаичная черта рунических памятников, уже к VIII в. изжитая в иных сферах письменной культуры предков, и ее объяснение следует искать в гораздо более ранних эпохах.

Во-вторых, способ размещения текста восходящей лесенкой оказался единым для всех алфавитов азиатской рунической письменности: и енисейского (с его тувинским вариантом, сохранившим следы древней верхнеенисейской азбуки), и орхонского. Следовательно, *эта манера письма* составляет их общее наследие — она отличала *тот ранний алфавит, который послужил основой для формирования и енисейских, и орхонских письмен.*

Оба рода наблюдений приводят к одному выводу: эпитафийные рунические памятники Южной Сибири и Монголии — не самые ранние в истории рунического письма. Они сохранили более древний тип размещения текстов (восходящей лесенкой), с которым был связан их общий предок — неведомая нам сегодня проторуническая письменность Азии [Кызласов И.Л. 1998а, III, с. 74].

Наука пока не знает текстов, выполненных этим древнейшим письмом, но свидетельства его существования нам отныне известны.

Проблему происхождения рунической письменности больше нельзя уже решать, анализируя только формы самих составляющих ее буквенных знаков. Ученый, который отыщет страну древнего мира, знавшую письмо от нижней строки к верхней, этим укажет нам и на район формирования проторунического письма.

Уйдя в столь загадочные глубины истории культуры, позволю себе лишь попутно здесь заметить: установленное написание эпитафийных текстов от нижней строки к верхней в большой степени, естественно, меняет прочтение, контекст и конкретный смысл надписей, предложенные филологами, всегда читавшими их в привычном нам порядке, обратном реальному древнему написанию.

Руническая палеография, анализируя облик памятников енисейской письменности, обратила внимание и на другие внешние особенности стел с надписями. Выяснилось, что размещение текста на камне воспроизводит тот черновик, которым пользовался каменотес, высекая или вырезая эпитафийную надпись. Во всех прослеженных случаях такие черновики-протографы оказались нанесены на деревянные стержни, планки или таблички [Кызласов И.Л. 1998а, III, с. 74–83].

Классические енисейские стелы, выполненные по древнехакасскому канону, никогда не бывают исписанными с одной стороны: даже очень краткий текст занимает две, три или все четыре грани камня. Протографами этих эпитафий служили надписи, нанесенные писцами на четырехгранные деревянные стержни. Енисейские же эпитафии чикского канона занимают только одну сторону камня, даже если число их строк превышает два десятка, — черновик текста в этом случае писался на одной поверхности связанных шнурами деревянных планок, сворачивавшихся как маленькая циновка.

Таковыми наблюдениями были умозрительно восстановлены неизвестные нам в реальных археологических находках шесть возможных форм древнейших письменных документов и книг тюркских народов. Они оказались очень архаичными, и, судя по всему, их глубоко реликтовые формы вновь использовались столь долго только в культовых целях — для написания образцов сакральных поминальных текстов, затем воплощавшихся в камне. Записи иного назначения велись на бумаге, пергамене и прочих обычных для средневековья писчих материалах.

Среди пережиточных форм письменных документов, словно отпечатавшихся на каменных стелах, обнаружались и те, которые были связаны с заинтересовавшим нас письмом восходящей лесенкой. Очень вероятно, что такое размещение текста возникло при письме на узкой деревянной дощечке, вмещавшей только одну строчку букв. Затем эти дощечки низались на шнурки или ремешки, и первая оказывалась нижней, вторая ложилась выше нее и т.д. Подобные составные документы известны в истории письменности — это архивы учетных записей древних храмовых хозяйств, существовавших на Востоке в бронзовом веке.

Настало время вспомнить о двух упомянутых клочках бумаги, найденных в долине речки Тойок в начале XX в. и содержащих записи рунических алфавитов. Первый фрагмент, изданный А. фон Лekoком [Le Coq 1909, с. 1048–1052, табл. IX], привлек внимание тем, что под каждым руническим знаком было иным, манихейским сирийским письмом подписано название или звуковое значение буквы. Манускрипт использовался филологами главным образом для подтверждения правильности прочтения тех или иных рун. Второй фрагмент был впервые издан японскими исследователями в 1961 г. (Akira Haneda, Nobuo Yamada). Он содержит три учебные попытки записать рунический алфавит. В 1990 г. сравнение двух фрагментов показало существование строгого порядка в расположении знаков в азбучном ряду рун [Serkaya 1994]. Этого и следовало ожидать, поскольку нет письменностей, не имеющих устойчивого алфавитного размещения составляющих их знаков. Мимо внимания филолога, однако, прошло другое обстоятельство, превращающее находку двух этих рукописных фрагментов в нерядовое событие рунологии.

Необходимо осознать, что благодаря им наука впервые увидела руническую азбуку не такой, какой ее реконструируют сегодня по сохранившимся текстам, а какой ее знали сами писцы раннего средневековья. Различия кардинальные [Кызласов И.Л. 1994а, с. 105–142; 1998а, II, с. 75–81].

В истинной рунической азбуке существовал во всем самобытный порядок размещения знаков, ничем не похожий на тот, который невольно создаем мы, приравнивая руны к нашему алфавиту. Более того, запечатленный в рукописях порядок непохож на систему записи букв ни в одной из известных письменностей мира. Этот факт означает, что руническое письмо не было перенято ни от одной из известных сегодня систем письма. Ибо при заимствовании в новой азбуке обязательно сохраняется порядок букв алфавита-предшественника. Даже если при этом число букв меняется и вводятся новые. Сравним: а, б, в, г...; а, б, с [g, k]...; α, β, γ... и т.д.

Рукописные рунические азбуки *кладут конец гипотезам* о происхождении ранней письменности тюркских народов от сознательно переделанного согдий-

ского или иного письма арамейского корня еще и потому, что в обоих тойокских манускриптах зафиксирован и совершенно нигде более не встречаемый способ группировки букв по две, с отделением пар особыми словоразделительными от-метками.

В последнее десятилетие XIX в. В. Томсен и В.В. Радлов сумели разгадать тайну рунического письма, не пойдя, как все их предшественники, путем подбора внешних соответствий составляющим его знакам, а постигая изнутри особенности построения его текстов. Ровно сто лет спустя, в последнее десятилетие XX в., палеография впервые получила подобную возможность не со стороны, а изнутри изучить строй рунической азбуки предков. Два важнейших отличия от принятых наукой установок, немедленно обнаруженные при этом, уже названы мною.

Следующая непредвиденная черта — значительно большее, чем считалось, число самих составляющих алфавит знаков: около 48 вместо 38. Среди них оказались буквы, весьма редко встречаемые в текстах, т.е. уже фактически вышедшие из употребления к VIII в. Иными словами, подлинная руническая азбука, ставшая известной благодаря двум раннесредневековым рукописным фрагментам, содержит в себе важнейшие сведения по собственной истории и происхождению.

Уже первый анализ этих данных показал, что древнетюркским азиатским рунам напрасно отказывалось в длительном развитии — в азбуке отразилось несколько этапов эволюции письма. Наиболее ранним из них была стадия слоговой (силлабической), а не алфавитной записи речи, которая в целом оказалась пройденной в Западной Азии уже в бронзовом веке. Удалось не только выявить ряд знаков, свойственных проторунической слоговой письменности, но и показать, что ее развитие плавно вело к победе алфавитного принципа: число применявшихся слоговых знаков постепенно сокращалось. Явные следы этого до конца так и не завершившегося процесса различимы в известных сегодня самых поздних памятниках этой письменности — енисейских и орхонских надписях Южной Сибири и Монголии.

Сказанного достаточно, чтобы понять умозрительность иных, никак не связанных с истинным азбучным строем подходов к происхождению и построению рунического письма, якобы талантливо изобретенного одним человеком или группой людей и затем видоизменявшегося (деградировавшего) из-за введения новых (ювенильных) рун в том или ином районе своего распространения. Неслучайно филологами было введено понятие *избыточных* рунических знаков [Аманжолов 1975, с. 9] — реальное дублирование одной руной звукового значения другой буквы невозможно понять без признания былой слоговой природы этой письменной системы.

Следует особо сказать, что орхонская письменность Второго Восточнотюркского каганата — самая молодая из зафиксированных рунологической наукой. Скорее всего, она была получена при реформировании того предшествующего письма, которое предложено именовать верхнеенисейским и которое сохранялось долее других в обществе чиков Тувинской котловины. Древнехакасская енисейская письменность также архаичнее орхонской. Официальное использование орхонского письма было сознательным и порождено, можно думать, политическими причинами. Оно было введено уже к 30-м годам VIII в. (возможно, в правление

Капаган-кагана или его сына Бильге-кагана) — в период наибольшего расцвета государства и ради размежевания не только с Китаем и Древнехакасским государством, но и с западнотюркскими каганатами Средней Азии, продолжавшими еще и в VIII–IX и в X вв. официальное использование согдийского письменности и языка вслед за установлениями Первого Тюркского каганата VI в. [Кызласов И.Л. 1994а, с. 223]. Неслучайно, явно возводя свою державность к восточнотюркской, Уйгурский каганат до самого своего падения в 840 г. сохранял государственность орхонского рунического письма.

Изучение строя рунической азбуки, данной нам в раннесредневековых записях Восточного Туркестана, — одно из тех перспективных направлений, которыми последует рунология недавно начавшегося века. Однако уже сегодня нельзя не заметить, что полученные в двух сферах новой рунической палеографии данные хорошо отвечают друг другу. Возводимый еще к бронзовому веку строй алфавита дополняется редчайшим в истории культуры, но общеруническим способом размещения строк от нижней к верхней, также возникшим, насколько можно судить, в эпоху бронзы. Позволю себе предположить, что проторуническая письменность сложилась в Западной Азии не позднее XI–X вв. до н.э. и по типу не принадлежала к тем египетско-семитским силлабариям, которым было суждено стать магистральным направлением в развитии письма человечества. Правостороннее письмо, особенности передачи губных гласных и стечения двух согласных, как и не объяснимая на тюркской почве парность соединения букв в азбуке, заставляют думать, что руны когда-то зародились не в тюрко-, а в семитоязычной культурной среде.

Сегодня нельзя сказать, на каком этапе существования рунической письменности, когда, где и каким тюркоязычным народом она была заимствована. Но, судя по всему, это произошло без особых изменений строя самого письма. Нам до сих пор неизвестны памятники этой древней письменности, кроме поздних ее проявлений — тюркоязычных надписей, начиная с VIII в. Не случись этого заимствования, не расцвела на Саяно-Алтае и в Монголии раннесредневековой цивилизации тюркоязычных народов, не существовал в ней эпитафийного и, шире говоря, камнеписного обряда, и вполне вероятно, что руническая система письма, самобытно долгими веками развивавшаяся в стороне от основного направления истории письменности, сошла бы в небытие не замеченной наукой. Никто не знает, сколько письменных систем древности, применявшихся для записей на недолговечных материалах, постигла такая участь. Недаром современная наука не в силах постичь множество единичных эпиграфических находок, загадочность прочтения которых заключена в их непохожести на другие известные письмена.

Историко-культурные основы рунологии

Вполне понятно, что из рук эпиграфиста детально изученный и ставший достоверным рунический текст попадает в руки не только филолога, но и историка. Сегодня не стоит говорить о тех многочисленных ранее неведомых исторических фактах, которые почерпнули специалисты из нового для них источника — тюркоязычных надписей Азии, читаемых уже более столетия. Не надо быть экспертом-востоковедом, чтобы понять, насколько обогатила науку возможность вос-

принимать средневековые общества Южной Сибири и Монголии изнутри, по их собственным уцелевшим свидетельствам, а не со стороны, следуя за летописями соседних или далеких от Саяно-Алтая народов. Отметим лишь главное, изменившее основы научного знания.

С расшифровкой рунических надписей завершавшийся XIX век принес в европейскую науку осознание того, что тюркские народы в раннем средневековье обладали письменной культурой. Тем самым были отвергнуты представления о неразвитости и отсталости тюркоязычных обществ столь далекой поры. Правда, такие взгляды нередко появляются в исторической литературе и поныне, но уже по одному этому ясно — лишь у малосведущих авторов, отставших от серьезной науки, как видим, на целое столетие. Задумываясь об особенностях постижения истины, любопытно в связи с нашей темой отметить и другое. Обретя новое для себя знание о культуре ранних тюркских народов, Европа XIX в. лишь вернулась на уровень, занимаемый образованным западным обществом за тысячелетие до этого. Напомню, что, согласно житию, борясь за признание церковниками изобретенной для славян письменности, братья Кирилл и Мефодий в 863 г. опирались на известный им факт существования письмен у тюркских народов: тюрок и хазар (а также авар, тюркоязычность которых пока не доказана) [Сказания 1981, с. 88, 89].

Открытие ранней письменной культуры между тем наложило на неизжитый в науке шаблон восприятия тюркских народов как исконных кочевников. В XX в. при определении уровня письменной культуры в тюркологии широко распространилось высказывание С.Е. Малова о бродячих грамотеях (примененное совсем по другому поводу — при обсуждении графических различий надписей) [Малов 1952, с. 7]. Близкие позиции занимал и Дж. Клосон, писавший о происходящей из Тувы стеле Хемчик-Чиргагы (Е 41): «Или каменщик, который резал надпись, был настолько некомпетентен, что не мог правильно скопировать рукопись, которая была ему дана, или человек, делавший черновик, был мошенником, который посетил племенных вождей и начертил то, что должно было обозначать погребальные написания и чего они сами, не будучи способными читать, не восприняли как простое скопление бесформенных и бессмысленных букв» [Clouston 1962, с. 72].

Вопреки всему этому, вопрос о квалификации писцов и камнерезов, создавших енисейские надписи, также был совершенно иначе разрешен к концу столетия енисейской эпиграфикой. Прослеженные следы орудий, применявшихся для нанесения букв на стелы, свидетельствуют о том, что тексты высекали и вырезали мастера-профессионалы, каждый из которых обладал набором специальных инструментов. Они не обрабатывали поверхность камней не по неумению, а как я уже упоминал, в соответствии с особенностями местного мировоззрения и ритуала: облик извечного камня изменять не полагалось.

Высокообразованными людьми были и писцы, составлявшие тексты эпитафий. Среди наскальных надписей Алтая был выявлен и обнаружен краткий текст, который содержит кредо настоящей интеллигенции, видящей свое предназначение в образованности и книжности (надпись Ялбак-Таш II/XV) [Кызласов И.Л. 1999а, с. 108–115]. С привлечением иных данных, содержащихся в рунических надписях, было окончательно доказано существование в обществе тюркоязычных

народов Азии уже к VIII в. особого профессионального сословия, жившего умственным трудом и обладавшего корпоративным самосознанием и этикой. Формула, избранная на берегах Чуи в IX–X вв. для выражения этого общественного статуса («Я написал пятью [пальцами], [на то] предназначенными»), сохранила давний профессиональный канон писцов Древнего Востока, отмеченный еще в папирусах начала и середины II тысячелетия до н.э.

У этого историко-культурного открытия есть и вполне ясные методические последствия, затрагивающие тюркскую филологию. Лингвистам теперь нельзя объяснять трудности в предлагаемых ими прочтениях неграмотностью писавших. Следует искать пробелы в *собственных знаниях* о древних рунических текстах.

Сказанное не означает, что в надписях не встречается отклонений от строгих норм грамотного письма рунами. Бывое существование орфографических правил не вызывает сомнений. Однако енисейская эпиграфика показала, что даже в том случае, когда есть формальные основания видеть в написании слов ошибки, дело обстоит сложнее. Оказалось, что в целом эти ошибки вызваны не столько плохим усвоением рунического правописания, сколько определенными предшествующими письменными знаниями обучавшихся. Эти знания и мешали им овладеть нормами рунического письма в полной мере.

Систематизация разновидностей написания слов обнаружила в енисейских рунических надписях три типа орфографии [Кызласов И.Л. 1996; 1997; 1999б]. Первый тип — *классическое руническое правописание* — отличает большинство памятников Саяно-Алтайского нагорья и целиком отвечает построению рунического письма. Второй, названный *полногласной орфографией*, узнается по обозначению всех негубных узких гласных в слове, чего не требует руническое письмо само по себе. Третий, наиболее редкий, назван *псевдорунической орфографией*, поскольку не соблюдает главного правила рунического письма — различия букв для согласных в мягких и твердых слогах.

Природа второго и третьего типов написания коренится в одном культурном явлении — в этих случаях к изучению рунического письма приступали люди грамотные, уже владевшие какой-то иной, нерунической письменностью. Они невольно привносили в руническое письмо те посторонние для него правила, которые накрепко усвоили при получении первого своего образования.

Для возникновения полногласного написания удалось найти точную первопричину — это орфография сирийского манихейского письма, распространявшегося в Азии вместе с проникновением манихейской религии. Выдвинутая при исследовании енисейских надписей гипотеза подтвердилась при изучении рукописей орхонского письма, найденных в Восточном Туркестане в руинах манихейских поселений. Их рунические тексты также выполнены в традиции полногласной орфографии. Нельзя пока точно указать, начальные знания какого письма привели к появлению рунических надписей третьего орфографического типа. Но вполне очевидно, что оно имело алфавитное построение. Неслучайно такого же рода ошибки в рунических написаниях делает сегодня интеллигенция коренных народов Саяно-Алтая, когда от привычной с детства кириллицы обращается к письму предков для придания национального колорита оформлению газет, афиш, телевизионных заставок или иного.

Так самым неожиданным образом исследование ошибок в рунических надписях показало не столько неграмотность предков, сколько их *многограмотность* — владение одним человеком несколькими системами различного письма, из которых руническое изучалось им не в первую очередь.

Дублирование рунической азбуки манихейскими буквами, отмеченное упоминавшейся рукописью из долины Тойока, свидетельствует об изучении рунического письма манихеями. Это делалось миссионерами для распространения новой веры среди тюркских народов и указывает на давнее к середине VIII в. укоренение рунической письменности в местном обществе. После обнаружения и раскопок Л.Р. Кызласовым в Хакасии серии храмов VIII–XII вв. и объяснения их планов через описанную средневековыми арабскими авторами манихейскую архитектурную символику стало очевидным, что Древнехакасское государство уже в VIII в. сделалось в Сибири центром этой религии [Кызласов Л.Р. 1998; 1999; 2001]. Вслед за этим в Хакасии, Туве и на Алтае удалось выделить 42 енисейских надписи манихейского содержания [Кызласов И.Л. 2001]: 38 молитвенных наскальных и 4 эпитафийных. В одной из них, поставленной в степях Монголии, близ Суджи (Е 47), употребление манихейского термина отмечалось еще В. Томсеном [Ramstedt 1913, с. 7].

Ныне принятие манихейства в Южной Сибири надежно доказывают следующие данные. Во-первых, это раскопанные в Хакасии манихейские храмы второй трети VIII — конца XII в. Во-вторых, признанный факт применения лишь манихейством (единственным из мировых религий) местного рунического письма. В-третьих, выявленные енисейские надписи манихейского содержания. В-четвертых, обнаружение в рунических памятниках Саяно-Алтайского нагорья новых правил орфографии, привнесенных из манихейского правописания.

Установление манихейства в качестве официальной религии Древнехакасского государства — крупнейшей и исторически наиболее стойкой державы, в течение нескольких столетий объединявшей предков многих сибирских народов, — произвело в 60-е годы VIII в. целую культурную революцию. Достаточно сказать, что манихейская доктрина, одна из наиболее энциклопедичных мировоззренческих систем Востока, несла с собою культ книги и знаний, требование широкой грамотности населения, использование в литургии национальных языков вновь обращенных народов. Возникнувшая в Двуречье в III в.н.э., эта религия вместе с именем своего основателя Мани принесла в Южную Сибирь и написанные им священные книги. Вдумаемся: человек на Абакане или Катунь в каком-нибудь IX в. читал о событиях, происходивших на Евфрате за шесть веков до этого! Или переводил книгу об этом с персидского, согдийского или иного языка на родную речь. Вот какими стали границы образованности предков за 1200 лет до наших дней. И такая насыщенная духовная жизнь продолжалась в Южной Сибири не менее шести столетий.

Принятие манихейства вызвало на Саяно-Алтайском нагорье взрыв местной грамотности — вот почему енисейских рунических надписей позднее VIII в. так много, а более ранних нет.

Однако для раскрытия поставленной мною темы следует, прежде всего, подчеркнуть другое. Осознание культурного расцвета, наступившего с приходом в

Южную Сибирь манихейства, кардинальным образом изменяет и еще в большей степени изменит восприятие наукой средневековой истории Саяно-Алтайского нагорья и ее памятников — енисейских рунических надписей.

Рунологии XXI в. предстоит разобраться в том, какие рунические тексты принадлежат к манихейскому периоду местной истории, а какие к предшествующей, так сказать языческой, стадии развития Южной Сибири. Каждая из этих культурных ступеней имела свою, отличающуюся от другой, духовную жизнь, и не учитывать этого в исторических и филологических изысканиях отныне невозможно. Следует понять и исследовать те обряды обоих означенных этапов, которые требовали применения письма. В отношении доманихейской стадии эти обряды, вероятнее всего, укажут нам на ту мировоззренческую среду, с которой был прямо связан загадочный процесс древнего внедрения и вековечного сохранения рунической письменности тюркоязычными народами.

Манихейство было распространено от Испании до Китая и насчитывает по крайней мере 14 веков активной жизни. Предстоит понять уникальный исторический феномен: за все это время и во всем обитаемом мире только три государства (тюркоязычные Уйгурский, Древнехакасский и Кимакский каганаты) приняли его в качестве своей официальной идеологии. Что же отличало народы этих трех стран? Какие особенности их духовной жизни нашли наибольшее соответствие и развитие в манихейской философии? Нам не понять этого без скрупулезного исследования оставленных в наших степях и горах рунических надписей предков.

Перед тюркской рунологией теперь также стоит задача, следуя за оригинальными текстами, определить место сибирского манихейства в общей картине этого мировоззрения. Наука до сих пор различала две основные его разновидности: западное и восточное манихейство, во многом окрашенные соответственно христианскими или буддийскими чертами. В енисейских рунических надписях встречаются слова, заимствованные из сирийского, иранского, согдийского языков, из санскрита и китайского. Теперь нам понятно, что источником такого заимствования послужило изучение религиозных и естественно-научных книг на всех этих языках. Но предстоит узнать, какие идеи и знания — Западной или Восточной Азии — находили наибольший отклик в южносибирском обществе той поры.

Хорошо понимаю, что мне не удалось сегодня перечислить все главные перспективы, которые открываются ныне перед специалистами, изучающими рунические тюркоязычные надписи. В еще большей степени осознаю невозможность предугадать те направления ученого поиска, которые откроются уже завтра.

Но главный итог уже пройденного развития представляется мне вполне очевидным. На пороге нового века почти трехсотлетнее исследование рунических надписей, воспринимавшееся и существовавшее как часть филологии, переросло в самостоятельную историко-филологическую науку — *тюркскую рунологию*. В применении к азиатским руническим письменам эта наука включает в себя *енисейскую* и *орхонскую эпиграфику*, а также *орхонскую археографию*. Внутри названных дисциплин находятся увязанные с историей отдельных рунических алфавитов *енисейская палеография* и *орхонская палеография*, обобщение

данных которых должно проводится в *тюркской рунической палеографии* — неотъемлемой части тюркской рунологии.

С разработкой этих специальных дисциплин и связано, смею думать, развитие тюркской рунологии в наступившем веке.

Библиография

- Адрианов 1902–1924 — *Адрианов А.В.* Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. Минусинск.
- Аманжолов 1974 — *Аманжолов А.С.* Две енисейские рунические надписи. — Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. XIX. Абакан.
- Аманжолов 1975 — *Аманжолов А.С.* Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности. Автореф. докт. дис. А.-А.
- Бернштам 1946 — *Бернштам А.Н.* Социально-экономический строй орхонско-енисейских тюрков VI–VIII веков. Восточно-тюркский каганат и кыргызы. М.–Л.
- Боровков 1963 — *Боровков А.К.* Енисейские надписи на сосудах. — Тюркологические исследования. М.–Л.
- Васильев 1983 — *Васильев Д.Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л.
- Кляшторный 1980 — *Кляшторный С.Г.* Терхинская надпись. — Советская тюркология. № 3.
- Кляшторный 1987 — *Кляшторный С.Г.* Надпись уйгурского Бегю-кагана в Северо-Западной Монголии. — Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М.
- Кляшторный 2000 — *Кляшторный С.Г.* Об одной новой находке енисейской руники. — *Altaica*. Вып. IV. М.
- Кононов 1972 — *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России. М.
- Кормушин 1986 — *Кормушин И.В.* Текстологические разыскания в области енисейской руники. К вопросу о женских поминальных надписях. — *Turcologica*. К 80-летию академика А.Н. Кононова. М.
- Кормушин 1997 — *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М.
- Кызласов И.Л. 1987 — *Кызласов И.Л.* Две группы тюркских рунических алфавитов. Опыт выделения. — Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. М.
- Кызласов И.Л. 1990 — *Кызласов И.Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии. Опыт палеографического анализа. М.
- Кызласов И.Л. 1994а — *Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. М.
- Кызласов И.Л. 1994б — *Кызласов И.Л.* Древняя письменность саяно-алтайских тюрков. М.
- Кызласов И.Л. 1996 — *Кызласов И.Л.* Три типа древнетюркской рунической орфографии. — 90 лет Н.А. Баскакову. М.
- Кызласов И.Л. 1997 — *Кызласов И.Л.* Разновидности древнетюркской рунической орфографии. Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма. — *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest, t. L.
- Кызласов И.Л. 1998а — *Кызласов И.Л.* Материалы к ранней истории тюрков. II, III. Древнейшие свидетельства о письменности. — РА. № 1, 2.
- Кызласов И.Л. 1998б — *Кызласов И.Л.* Калям на Енисее. Чернильная руническая надпись из Хакасии. — Татарская археология. № 2.
- Кызласов И.Л. 1999а — *Кызласов И.Л.* Материалы к ранней истории тюрков. IV. Образование в эпоху рунического письма. — РА. № 4.
- Кызласов И.Л. 1999б — *Кызласов И.Л.* Орфографические признаки манихейских рунических надписей. — Вопросы тюркской филологии. Вып. IV. М.
- Кызласов И.Л. 2000 — *Кызласов И.Л.* Руническая эпиграфика волжских болгар. I. Кубанские надписи на двух сосудах. — Татарская археология. № 1, 2.

- Кызласов И.Л. 2001 — *Кызласов И.Л.* Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях). — Древние цивилизации Евразии. История и культура. М.
- Кызласов Л.Р. 1960 — *Кызласов Л.Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности. — СА. № 3.
- Кызласов Л.Р. 1962 — *Кызласов Л.Р.* Начало сибирской археологии. — Историко-археологический сборник. М.
- Кызласов Л.Р. 1965 — *Кызласов Л.Р.* О датировке памятников енисейской письменности. — СА. № 3.
- Кызласов Л.Р. 1969 — *Кызласов Л.Р.* История Тувы в средние века. М.
- Кызласов Л.Р. 1983 — *Кызласов Л.Р.* В Сибирю неведомую за письменами таинственными. — Путешествия в древность. М.
- Кызласов Л.Р. 1997 — *Кызласов Л.Р.* Памятники орхонского письма из Хакасии и Горного Алтая. — Вестник Московского университета. Серия 8. История. № 1.
- Кызласов Л.Р. 1998 — *Кызласов Л.Р.* Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии. — Вестник Московского университета. Серия 8. История. № 3.
- Кызласов Л.Р. 1999 — *Кызласов Л.Р.* Манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия). — РА. № 2.
- Кызласов Л.Р. 2001 — *Кызласов Л.Р.* Сибирское манихейство. — Этнографическое обозрение. № 5.
- Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. 1994 — *Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л.* Новый этап развития енисейской письменности (конец XIII — начало XV в.). — РА. № 1.
- Малов 1951 — *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.–Л.
- Малов 1952 — *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. М.–Л.
- Малов 1959 — *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.–Л.
- Массон 1936 — *Массон М.Е.* К истории открытия древнетурецких рунических надписей в Средней Азии. — Материалы Узкомстариса. Вып. 6–7. М.–Л.
- Сборник 1892–1897 — Сборник трудов Орхонской экспедиции. Вып. 1–4. СПб.
- Сказания 1981 — Сказания о начале славянской письменности. М.
- Френ 1832 — *Френ Х.М.* Монеты улуса Джучиева, или Золотой Орды. СПб.
- Щербак 1970 — *Щербак А.М.* Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения. — Тюркологический сборник. М.
- Щербак 2001 — *Щербак А.М.* Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрков, границы ее распространения и особенности использования. СПб.
- Akira Haneda, Nobuo Yamada 1961 — *Akira Haneda, Nobuo Yamada.* A List of the Manuscript Remains in Uigur Script Preserved in Ryukoku Library. — Monumenta Serindica. Vol. 4. Kyoto.
- Clauson 1962 — *Clauson sir G.* Turkish and Mongolian Studies. L.
- Göbl, Róna-Tas 1995 — *Göbl R., Róna-Tas A.* Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szentmiklós. Eine paläographische Dokumentation. Wien.
- Inscriptions 1889 — Inscriptions de l'Énissée recueillies et publiées par la Société Finlandaise d'archéologie. Helsingfors.
- Inscriptions 1892 — Inscriptions de l'Orkhon recueillies par l'expédition finnoise 1890 et publiées par la Société Finno-Ougrienne. Helsingfors.
- Le Coq 1909 — *Le Coq v. A.* Köktürkisches aus Turfan. — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse, Bd. 41. B.
- Radloff 1894–1895 — *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Lfg. 1–3. SPb.
- Ramstedt 1913 — *Ramstedt G.J.* Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei. — Journal de la Société Finno-Ougrienne. T. XXX, fasc. 3. Helsingfors.
- Sertkaya 1994 — *Sertkaya O.F.* Kağıda yazılı Göktürk metinleri ve kağıda yazılı Göktürk alfabeleri. — Türk Dili Araştırmaları Yıllığı. Belleten. Ankara, 1990.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо введения	3
<i>М.Б. Мейтарчиян</i>	
Центральная Азия. Источники, история, культура. Международная конференция, посвященная 80-летию Е.А. Давидович и Б.А. Литвинского. Москва, 2003	7
Библиография печатных работ Елены А. Давидович	20
Библиография печатных работ Б.А. Литвинского	33
<i>П. Бернар</i>	
Тахт-и Сангин: подведение итогов	70
<i>Е.В. Абдуллаев</i>	
Мани и платоники	73
<i>В.П. Андросов</i>	
Проблемы перевода и истолкования в отечественной буддологии и индологии	81
<i>Е.В. Антонова</i>	
Об останках животных в памятниках Бактрийско-маргианского археологического комплекса (БМАК)	105
<i>И.А. Аржанцева, О.Н. Иневакина</i>	
Еще раз о росписях Афрасиаба: новые открытия, которым четверть века	118
<i>Н.С. Байтматова</i>	
Заметки к сводчатой архитектуре Средней Азии (IV–III тыс. до н.э. — VIII в. н.э.)	145
<i>А.С. Балахванцев</i>	
Старая Ниса: хронология и интерпретация	172
<i>С.Я. Берзина</i>	
Стеклянный медальон из Самарканда	191
<i>John Boardman</i>	
The Oxus Treasure Scabbard in London: A Closer Look	205
<i>С.Б. Болелов</i>	
К вопросу о южных и юго-западных связях Хорезма во второй половине I тысячелетия до н.э. по археологическим данным (древнехорезмийский археологический комплекс)	215
<i>М.А. Бубнова, М.С. Шемаханская</i>	
Металл Памира	235
<i>Н.М. Виноградова</i>	
Поселение Кангурттут — земледельческий памятник эпохи поздней бронзы в Юго-Западном Таджикистане	242

<i>П. Г. Гайдуков, А. А. Молчанов</i> Новые находки куфических монет в Ильменском Поозерье	266
<i>З. С. Галиева, О. И. Иневаткина</i> Исторический ландшафт Самаркандского Согда (на примере долины Дурменсая)	275
<i>М. А. Дандамаев</i> Камбиз — царь Вавилона	292
<i>Devin DeWeese</i> The Yasavi Order and the Uzbeks in the Early 16th Century: The Story of Shaykh Jamāl Ad-Dīn and Muḥammad Shībanī Khān	297
<i>Т. А. Денисова</i> О некоторых приемах исследования малайских арабграфических хроник	311
<i>Г. И. Джапаридзе</i> По поводу одного сообщения «'Аджа'иб ад-дунья» (Айюбидское посольство в Грузии)	332
<i>В. А. Завьялова</i> Подражания и инновации в кушано-сасанидской керамике	340
<i>Pierfrancesco Callieri</i> The Sakas in Afghanistan: Evidence from the Glyptics	359
<i>Г. А. Кошеленко, В. А. Гаибов</i> Александр Македонский побеждает при Иссе	365
<i>Е. Е. Кузьмина</i> К вопросу о современном состоянии проблемы происхождения индоиранцев	383
<i>Голиб Курбанов</i> Золотые монеты (<i>ашрафи</i>) Шейбанидов конца XVI в. в коллекции Университета Тюбингена (Германия)	412
<i>Г. М. Курпалидис</i> Сочинение Мухаммада ибн Ахмада ал-Кураши «Ма'лим ал-курба фи ахкām ал-хисба» («Верные указатели относительно заповедей по [устройству] дела мухтасиба») — как важнейший источник по практической деятельности мухтасиба второй половины XIII — первой четверти XIV в.	419
<i>И. Л. Кызласов</i> Особенности тюркской рунологии	427
<i>Л. Р. Кызласов</i> Тюркско-иранское культурное и языковое взаимодействие в его историческом освещении	450
<i>Jeffrey D. Lerner</i> Greek Ceramic Period IV of At Khanoum	464
<i>Ciro Lo Muzio</i> On a Buddhist Subject in the Paintings of Kara Tepe (Old Termez)	477
<i>Т. К. Мкртычев, Дж. Я. Ильясев</i> Терракотовые плакетки из Тохаристана	497
<i>Aleksandr Naymark</i> Isma'il Samani and the People of Varakhsha; or, Why the Bukhar Khuda Palace did not Become a Mosque	524

<i>Е.Е. Неразик</i> Древние города Хорезма и пути их развития (IV в. до н.э. — IV в. н.э.)	543
<i>В.Н. Пилипко</i> Заметки о ранних Аршакидах	562
<i>М.Н. Погребова, Д.С. Раевский</i> Звериный стиль скифской эпохи как lingua franca евразийских степей	578
<i>Н.В. Полосьмак, Л.П. Кундо</i> Пазырыкцы в поисках красного цвета	589
<i>И.В. Пьянков</i> Социальный строй древнеземледельческих народов Средней Азии (опыт исторической реконструкции)	600
<i>В.А. Ранов, А.Г. Амосова</i> Некоторые итоги исследования нижнепалеолитической стоянки Кратау	621
<i>Э.В. Ртвеладзе</i> Буддийские памятники Кампыр-тепа (к вопросу о времени проникновения буддизма в Северную Бактрию)	640
<i>Н.И. Сериков</i> Необычный путеводитель по Ирану (В.В. Бартольд и его читатели)	652
<i>Н.М. Смирнова</i> О ранних подражаниях монетам Евкратиды	664
<i>В.С. Соловьев</i> Н.А. Маев — первый русский исследователь Восточной Бухары	681
<i>Domenico Faccenna</i> Un particolare tipo di cotta, a scaglie semicircolari rivolte in alto (a scaglie inverse), nei rilievi gandharici	692
<i>Henri-Paul Francfort</i> Note on the “Acrobat and Bull” Motive in Central Asia	711
<i>Richard N. Frye</i> Archaeology and Numismatics in Recovering the Past	717
<i>Frank L. Holt</i> The Problem of Poseidon in Baktria	721
<i>Л.А. Чвырь</i> Шаманство и ислам у уйгуров Синьцзяна	727
<i>М.С. Шемаханская</i> Этапы производства металлов на территории Бактрии-Тохаристана — от бронзы к полиметаллическим сплавам с цинком	748
<i>Г.В. Шишкина</i> Сооружение у стен Исбискета	755
<i>Л.Т. Яблонский</i> Археолого-антропологическая гипотеза к проблеме формирования культуры сакского типа	776
Список сокращений	792